

АВ
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 14

15 ИЮЛЯ

№ 14

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

1938

22
3а

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Политико-экономический
двуихнедельник
ЦК ВКП(б)

XV год издания

Адрес редакции:
Москва, Ленинградское
шоссе, ул. „Правды“, 24.
Тел. д 3-30-11
д 3-08-08.

№ 14

15 ИЮЛЯ

1938

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ — К новым победам социалистического земледелия	1
Г. БРАТАНОВСКИЙ — К итогам выборов парторганов в Московской парторганизации	8
Н. АНИСИМОВ — По-большевистски убрать социалистический урожай 1938 года	22
Е. ТАРЛЕ — «История XIX века»	35
Консультация	
М. ВОЛИН — Второй съезд РСДРП	53
Международный обзор	
А. БЕДЕРОВ — На пороге второго года национально-освободительной войны китайского народа	65
Т. АЛЬВАРЕС — Два года героической борьбы испанского народа . .	79
Критика и библиография	
В. ПАУКОВА — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханова	89

К новым победам социалистического земледелия

Творцы научного коммунизма неоднократно указывали, что капитализм с его частной собственностью на землю и на другие средства производства, с анархией и конкуренцией не в состоянии создать рационального земледелия, гармонического сочетания промышленности и сельского хозяйства. Весь исторический путь капитализма является яркой иллюстрацией этого марксистского положения. Путь развития капитализма — это путь углубления пропасти между городом и деревней, деградации сельского хозяйства, разорения миллионов мелких и мельчайших крестьянских хозяйств.

Последнее десятилетие в развитии загнивающего и умирающего капитализма характеризуется исключительным ограблением трудящихся масс деревни монополистическими об'единениями, банками, продажей крестьянской собственности с молотка, изгнанием с земли миллионов так называемых «самостоятельных», «устойчивых» крестьянских хозяйств. В капиталистических странах мелкие земледельцы влачат жалкое существование: живут впроголодь, стонут под тяжестью долгов растовщикам

«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханова

Государственное издательство политической литературы. 1933. 100 000 экз. 2 р. 75 к.

За 20 лет, начиная с организации группы «Освобождение труда» до II съезда РСДРП, Плехановым был написан ряд блестящих марксистских работ, направленных в первую очередь против народничества, а также против бернштейнианства, струвизма и других ревизионистских течений. Плеханов нанес решающий удар народникам, показав, что эти «утопические враги капитализма оказываются на деле пособниками капитализма в самом грубом, в самом гнусном и самом вредном его виде»¹.

Реценziруемая книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» занимает первое место в ряду лучших работ Плеханова. Ленин писал о ней как о книге, на которой воспиталось целое поколение русских марксистов.

Плеханову удалось легально издать эту книгу в 1895 году, дав ей заведомо туманный заголовок, который не объяснял, о каком именно — материалистическом или идеалистическом — монистическом взгляде на историю идет речь.

Выход этой работы явился исключительным событием в тогдашней России. Книга была распродана менее чем за три недели. Она стала настольной книгой растущих рядов русских социал-демократов. Народнические столпы типа Михайловского, Кареева и др., тогдашние «властили дум» — эти «друзья народа», — получили в ней чувствительный удар по своим субъективно-идеалистическим, антинародным теориям. Идейную борьбу с народничеством, начатую работами «Социализм и политическая борьба» (1883 год) и «Наши разногласия» (1885 год), Плеханов поднял здесь на более высокую ступень.

Плеханов долго готовил эту книгу, изучал труды основоположников марксизма, а также французских материалистов, социалистов-утопистов, Гегеля, чтобы в большом философском произведении противопоставить мировоззрению народников идеологию пролетариата — марксизм — как единственно научное мировоззрение. Беспомощной, антинаучной болтовне народников и их эпигонов, в которой вздохи о «несчастном мужике» соединялись с презрением «критически мыслящих личностей» к народу, было противопоставлено цельное, стройное мировоззрение, обобщение опыта пролетариата — единственного до конца последовательного революционного класса.

Работа Плеханова явилась выдающимся событием не только в популяризации марксизма в России, она имела исключительное международное значение, которое не утеряно ею и в наши дни.

Работа Плеханова блестяще показывает историческую и теоретическую преемственность марксизма с предшествующим научным разви-

¹ Г. В. Плеханов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», стр. 166. В дальнейшем ссылки на рецензируемую книгу даются в тексте.

тием. Плеханов анализирует взгляды французских материалистов, теории французских историков периода реставрации, учение великих социалистов-утопистов, наконец, немецкую идеалистическую философию на высшем этапе ее развития — в лице Гегеля. При этом Плеханов вскрывает как рациональные зерна, так и противоречия каждого из этих учений, неизбежно присущие им в силу исторически и классово ограниченных позиций их творцов. Вместе с тем он показывает, что эти противоречия были плодотворными, а не являлись противоречиями беспомощной, эклектической мазни народнических «философов» и «социологов», живущих по формуле Кареева, о котором Плеханов пишет: «У него — тут экономия, там — психология; в одном кармане — душа, в другом — тело» (стр. 110).

В своей работе Плеханов показал, как марксизм преодолел противоречия, неразрешимые для мыслителей предыдущих поколений, и как на основе дальнейшего развития и критической переработки всей современной философии и науки об обществе основоположники марксизма создали революционное научное мировоззрение, цельное и стройное, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета.

Первая глава работы Плеханова посвящена французским материалистам XVIII века. Общественное устройство должно соответствовать природе человека — учили они. Материалисты XVIII века пришли к выводу, что человек со всеми своими взглядами, понятиями является продуктом окружающей его среды, т. е. природы и общества. Из этого взгляда на человека как на продукт окружающей среды вытекали их требования разумного общественного устройства, ибо только совершенное общество может создать совершенного человека. Но они не могли ответить на вопрос, чем же обусловливается строение общественной среды и в чем заключаются закономерности ее развития. В объяснении этого вопроса они остались на идеалистических позициях. Основного противоречия своего учения — мнения людей определяются средой, а среда определяется мнениями — французские материалисты так и не смогли разрешить.

Противоречие, на которое натолкнулись французские материалисты XVIII века, осталось неразрешенным и у французских историков времен реставрации, приняв у них, как говорит Плеханов, лишь новую форму. Новым словом, исторической заслугой этих историков XIX века являлось то, что они выдвинули на первый план исследование «гражданского быта» людей, имущественных отношений, усматривая в этом основу политических учреждений. Разбирая отдельные периоды французской и английской революций XVII века, они стремились показать, что эти события являются результатом классовой борьбы. Маркс писал Вейдемайеру в 1852 году: «Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов».

Но буржуазные историки лишь констатировали наличие классов и классовой борьбы в истории общества, дальше они пойти не могли. В том, что сделали они, несомненно, заключалось большое достижение человеческой мысли, которое и отмечается Марксом. Однако наука, сделав в лице историков времен реставрации шаг вперед, не смогла все же разрешить коренного противоречия общественной мысли XVIII века. Выводя государственное устройство общества из гражданского устройства, из отношений собственности, они не смогли объяснить происхождение «...того гражданского быта, тех имущественных отношений, внимательное изучение которых одно только и могло, по их мнению, дать ключ к пониманию исторических событий» (стр. 18). Как только вставал вопрос о том, от чего же зависит состояние собственности, — снова у историков начинались туманные ссылки на свойства человеческой природы, и, в конце

концов, они попадали в тот же закодованный круг, из которого не могли выйти еще французские материалисты.

И те и другие, само собой разумеется, не могли создать научной теории общественного развития. Для этого надо было преодолеть буржуазную ограниченность мысли и вынести исторический приговор тому классу, интересы которого они защищали. А самое важное — не была еще достигнута та ступень в развитии буржуазного общества, на которой могло быть создано научное материалистическое понимание истории. Это доказывается и тем, что и предшественники основоположников научного коммунизма — великие социалисты-утописты (Сен-Симон, Фурье, Оуэн), давшие блестящую критику капитализма, не смогли открыть закона общественного развития. «Современный диалектический материализм,— пишет Плеханов,— стремится к устранению классов; он и появился тогда, когда это устранение сделалось исторической необходимостью» (стр. 148).

Набрасывая планы нового общества, социалисты-утописты не видели исторических сил для осуществления его, не видели класса, способного вырвать человечество из капиталистического рабства, класс у них застылся личностью. Все надежды они возлагали на торжество разума и «просвещенные» классы. У них тоже «мнения правят миром». Это, по существу, было возвращением к взглядам философов XVIII века. Подобное понимание исторического процесса было насквозь субъективно-идеалистическим. Позже, в условиях российской действительности, этот метод в ухудшенном, вульгаризованном виде применяли русские народники—субъективисты. Но между великими социалистами-утопистами и русскими народниками лежала глубокая пропасть. Народники были жалкими эпигонами, пытавшимися повернуть историю вспять, и фактически являлись, как говорит Плеханов, пособниками капитализма.

Домарковский материализм (включая и Фейербаха) был метафизическим и потому обнаруживал, указывает Плеханов, полную беспомощность там, где шла речь о развитии природы и общества. Попытки французских материалистов дать материалистическое обяснение историческим фактам приводили их к фатализму, иллюстрацией чего являются их «...рассуждения в виде замечаний на ту тему, что один какой-нибудь шальной атом, попавший в голову «законодателя» и причинивший в ней расстройство мозговых направлений, может на целые века изменить ход истории» (стр. 48). Метафизический материализм оказался неспособным обяснить сложную цепь конкретных явлений жизни.

Идеализм, восторжествовавший в условиях Германии, вершиной которого была философия Гегеля, противопоставил метафизической точке зрения диалектику с ее основной идеей развития. Диалектический метод в противоположность метафизическому рассматривал все явления в их возникновении, развитии и гибели. Законами диалектики опровергались взгляды французских материалистов и социалистов-утопистов на спасительную роль «совершенного законодательства», на неизменную «природу человека» и положение о том, что «мнения правят миром». История, приобретавшая у французских материалистов и социалистов-утопистов форму случайности, оказывалась теперь закономерным процессом, явления которого были необходимым результатом общего хода исторического развития, имеющего свои собственные законы. Однако, поскольку диалектика Гегеля была идеалистической, т. е. олицетворяла процесс логического мышления человека, Гегелю не удалось открыть законов общественного развития. Окольным путем и он возвращался к одной из сторон «человеческой природы», абсолютизируя разум человека и тем самым представляя исторический процесс как отражение логического процесса. Шеллинг и Гегель, замечает Плеханов, «...понимали, что ключ к обяснению исторического движения человечества надо искать в не природы человека. Это было большой заслугой с их стороны, но, чтобы эта заслуга оказалась вполне плодотворной для науки, надо было

показать, где же именно следует искать этот ключ. Они искали его в свойствах духа, в логических законах развития абсолютной идеи. Это было коренной ошибкой великих идеалистов, возвращавшей их окольным путем к точке зрения человеческой природы, так как абсолютная идея,— мы уже видели это,— есть не что иное, как олицетворение нашего логического процесса мышления» (стр. 102).

Лишь в отдельных случаях Гегель прорывался к материализму, но этот материализм имел очень неразвитую форму и переходил в идеализм. Например, рассматривая имущественные отношения, Гегель иногда высказывал взгляды, близкие к материализму, но вместе с тем толковал эти отношения как выражение правовых понятий, развивающихся в силу своей внутренней логической закономерности и независимо от материального процесса.

Бессмертной заслугой немецкой классической философии, и Гегеля прежде всего, является разработка диалектического метода в науке. Но в силу идеалистического характера этого метода Гегель не мог дать правильного понимания законов исторического развития.

Теоретическая мысль в поисках законов общественного развития так и не пришла к удовлетворительному результату ни на путях метафизического материализма, ни на путях идеализма. Ответы на эти вопросы дало только великое учение пролетариата — марксизм.

Глава пятая рецензируемой работы Плеханова посвящена центральному вопросу — изложению и обоснованию современного материализма.

«Несостоятельность идеалистической точки зрения,— пишет Плеханов,— в деле обяснения явлений природы и общественного развития должна была заставить и действительно заставила мыслящих людей (т. е. не эклектиков, не дуалистов) вернуться к материалистическому взгляду на мир. Но новый материализм не мог уже быть простым повторением учений французских материалистов конца XVIII века. Материализм воскрес, обогащенный всеми приобретениями идеализма. Важнейшим из этих приобретений был диалектический метод, рассмотрение явлений в их развитии, в их возникновении и уничтожении. Гениальным представителем этого нового направления был Карл Маркс» (стр. 77).

Первым в истории Маркс показал, что, для того чтобы существовать, человек должен воздействовать на внешнюю природу с целью извлечения из нее необходимых для жизни веществ. По Марксу, люди делают свою историю вовсе не для того, чтобы идти по заранее намеченному пути прогресса, не потому, что так им предписывают логические законы «абсолютной идеи». Люди делают историю, стремясь удовлетворить свои нужды, и задача общественной науки — показать, как влияют различные способы удовлетворения этих нужд, определяемые уровнем развития производительных сил, на общественные отношения людей и на их духовную деятельность. Плеханов тромит попытки идеалистов возразить, что сами производительные силы, и прежде всего орудия труда, являются продуктом человеческого разума. «Излагаемое нами учение,— пишет Плеханов,— вовсе не упускает из виду роли разума; оно только старается обяснить, почему разум в каждое данное время действовал так, а не иначе; оно не пренебрегает успехами разума, а только старается найти для них достаточную причину» (стр. 88—89).

Маркс указывал, что, «действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу». «В этих немногих словах,— пишет Плеханов,— содержится сущность всей исторической теории Маркса...» (стр. 82).

На основе определенного состояния производительных сил складывается определенный характер производственных отношений; Плеханов

приводит слова Маркса: «отношения производства в их совокупности образуют то, что называется общественными отношениями, обществом, и притом обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития,— обществом с определенным характером. Такие своеобразные совокупности отношений производства представляют собою античное общество, феодальное общество, буржуазное общество, и каждый из этих видов общественной организации соответствует, в свою очередь, известной ступени развития в истории человечества» (стр. 84).

Изложив открытый и классически сформулированный Марксом в предисловии «К критике политической экономии» закон общественного развития, Плеханов говорит о всемирноисторическом значении этого открытия.

В дальнейшем изложении Плеханов на богатейшем историческом материале и отчасти на свидетельствах ряда специалистов из области права, семейных отношений и др показывает, как на основе экономического развития возникают и изменяются политические учреждения, право, мораль, наука, философия, искусство. Попутно он беспощадно критикует народнические взгляды на вопросы общественного развития, показывая, что взгляды народников далеко не оригинальны, что полстолетия назад эти взгляды проповедывали левые гегельянцы—братья Бауэры и др. Уничтожающая критика этих взглядов Энгельсом, говорит Плеханов, кажется написанной против русских субъективистов.

«Неужели Энгельс предвидел наши российские благоглупости? Нисколько! Он, разумеется, и не думал о них, и если его ирония на расстоянии полувека попадает не в бровь, а в глаз нашим субъективным мыслителям, то дело обясняется тем простым обстоятельством, что в нашем субъективном вздоре нет решительно ничего оригинального: он представляет собою не более как лубочный «сузdalский» снимок с карикатуры той самой «гегельянчины», против которой он так неудачно воюет...» (стр. 81).

Плеханов блестяще раскрывает теоретическое невежество народников, их вопиющую научную бесцеремонность и недобросовестность. Эти господа, носящие «звание ординарных и экстраординарных звонарей науки», часто даже не читали тех работ, которые брались критиковать. Михайловский, например, «знал» Гегеля по «Учебнику уголовного права» Спасовича.

Плеханов беспощадно вскрывает эклектизм в философии и социологии народников, показывает полную беспомощность их попыток проникнуть в тайну реальных общественных отношений, их стремление «потопить эти отношения в воде своего нравственного негодования» (стр. 131). Он разбивает и попытки народников представить марксизм как «экономический материализм», как фаталистическое учение, а исторический процесс — как нечто слепое, безликое и безыменное, и их стремление показать, что Энгельс в последних своих работах и письмах отказался от «экономического материализма», и их попытки свести марксизм к своей излюбленной теории взаимодействия.

На протяжении многих страниц Плеханов показывает марксистское понимание взаимодействия различных сторон общественной жизни и роль их в историческом процессе. Плеханов пишет о политике и экономике:

«Взаимодействие между политикой и экономией существует. Это так же несомненно, как и то, что г. Кареев не понимает Маркса... Политические учреждения влияют на хозяйственную жизнь. Они или содействуют развитию этой жизни, или препятствуют ей» (стр. 108).

В нашу эпоху, в борьбе двух систем: социалистической и капиталистической,— это марксистское положение находит особенно яркое подтверждение. В капиталистических странах общественные отношения уже стали оковами развития производительных сил; государство и политика класса буржуазии, закрепляющие эти реакционные отношения, всячески тормозят общественное развитие; там свирепствуют неслыханные ранее по силе и глубине кризисы, безработица. Этому противостоит наша страна победившего социализма. Новый тип государства — диктатура рабочего класса — обеспечил в СССР невиданные еще в мире возможности и темпы развития производительных сил; у нас основная производительная сила — сам человек, освобожденный от капиталистического угнетения, эксплуатации, вековой темноты, впервые в истории стал сознательным, активным участником политической и экономической жизни страны.

Враги марксизма пытались приписать Марксу взгляды, отрицающие какое бы то ни было значение нравственных, философских, эстетических и других понятий в общественной жизни людей. Плеханов говорит, что «это опять неестественное празднословие, как выражался Щедрин» (стр. 109). Марксизм считает, что различные формы общественного сознания играют значительную роль в истории, но в противоположность идеалистам марксисты видят основу возникновения и развития форм общественного сознания в реальном базисе общества — в его экономической структуре.

Развитие общественного сознания отражает развитие общественного бытия, но оно не является пассивным придатком последнего. Раз возникнув, общественное сознание само воздействует на общественное бытие. Особенно повышается роль общественного сознания, роль идеологии после победы пролетарской революции. Капиталистическое общество является обществом анархическим, возникновение капитализма и его развитие осуществляются стихийно, тогда как построение социалистического общества и его основы — социалистической экономики — является процессом сознательным, в котором участвуют миллионы людей.

О борьбе за организацию пролетариата и подготовку его победы над эксплуататорами Плеханов пишет:

«...В первый раз с тех пор, как наш мир существует и земля обращается вокруг солнца, происходит сближение науки с работниками: наука спешит на помощь трудящейся массе; трудящаяся масса опирается на выводы науки в своем сознательном движении» (стр. 148).

Теперь в стране победившего социализма для этого созданы все политические и экономические предпосылки. Наука, истинная наука, «которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (Сталин), все больше становится достоянием всего народа, приобретая тем самым возможности небывалого развития.

Но и у нас сохраняет еще силу тот марксистский закон, о котором товарищ Сталин писал: «...Развитию духовной стороны, развитию идей предшествует развитие материальной стороны — развитие бытия... Развитие идеальной стороны отстает от развития материальных условий¹. В СССР, где просвещение масс, их повседневное коммунистическое воспитание является одним из руководящих принципов государственной политики, это отставание сознания от бытия выражается в наличии пережитков капитализма в сознании отдельных людей, и борьба за полное преодоление этих пережитков является одной из важнейших задач. Социалистическое сознание, правильно отражающее объективную

¹ Цит. по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 80. 1937.

закономерность самой действительности, проникающее в глубь ее, приобретает в наших условиях решающую силу в движении к коммунизму.

Большое место уделяет Плеханов в своей книге вопросам о роли массы, классов и личности в истории, о свободе и необходимости, о роли разума. Марксистское освещение этих вопросов в борьбе марксизма с его злейшим врагом — народничеством — имело принципиальное значение. Марксистское освещение этих вопросов Плехановым может оказать большую помощь в овладении правильным пониманием законов общественного развития и сыграть большую роль в борьбе с пережитками враждебных марксизму взглядов и в наше время.

Излюбленной теорией народников была теория «героев» и «толпы», согласно которой история человечества развивается не как закономерный процесс, а идет случайными путями и делается только «героями», а народная масса остается «инертной силой», «толпой», послушной глиной в руках «критически мыслящих личностей». Плеханов не оставляет камня на камне от этого взгляда.

Историю делают народ, массы, классы. Плеханов пишет:

«Пока существуют «герои», воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается,— царство разума остается красивой фразой, благородной мечтою. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама «толпа» станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой «толпе», разовьется соответствующее этому самосознание» (стр. 147—148).

В нашей стране осуществляется это царство разума, царство осознанной необходимости; наш народ под руководством коммунистической партии впервые в мире стал сознательным творцом истории и выдвигает тысячи героев, отдающих свои способности и таланты для дела народа, для его счастливой жизни.

Великие люди истории рождаются народом. Величие их в том, что они выражают исторические интересы народа, видят дальше других и являются вождями передового класса — гегемона народных масс — в его исторических боях за поступательное движение человечества. Марксизму-ленинизму всегда была присуща глубокая вера в народ, в его творческие силы, в его разум.

Плеханов показывает, как совершился процесс превращения необходимости в свободу путем организации общественного производства и подчинения его сознательной воле коллектива. «Тогда,— пишет он,— оканчивается царство необходимости, и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью. Пролог человеческой истории сыгран, начинается история» (стр. 145). С победой Великой социалистической революции в нашей стране началась эра действительной истории человечества.

В заключение следует указать, что в первом приложении к своей книге Плеханов допускает два ошибочных положения. На стр. 177 он пишет: «Современный, диалектический материализм не может найти механического обяснения истории. В этом, если хотите, заключается его слабость. Но умеет ли современная биология дать механическое обяснение происхождению и развитию видов? — Не умеет. Это ее слабость». Эти строки могут создать у читателя представление, что диалектический материализм и биология сводят все явления природы и истории к механике, а это принципиально расходится с основными положениями марксистской диалектики.

На стр. 180 Плеханов обясняет призыв Струве — идти на выучку к капитализму — «благородным увлечением западника». Такая трактовка политически ошибочна. Ленин еще в 1894 году

показал, что взгляды Струве являются отражением марксизма в буржуазной литературе и что, следовательно, призыв его — не случайный продукт увлечения.

* * *

Личная судьба Плеханова завершилась трагически. Начав с призыва к организации и сплочению пролетариата, с призыва к созданию революционной пролетарской партии, способной повести массы по пути революции, Плеханов потом начал политически хромать и окончательно скатился к оппортунизму.

Причина всего этого состоит в том, что Плеханов не понял сущности новой эпохи, эпохи империализма — последнего этапа капитализма, когда, как указывает товарищ Сталин, вопросы пролетарской революции стали вопросами непосредственной практики, непосредственной задачей борьбы пролетариата и его партии. Плеханов не сумел подняться на уровень задач современной эпохи, он остался в плену идей II интернационала, оторвавшись от рабочего класса. Решение великих исторических задач новой эпохи было по плечу только таким гениям, как Ленин и Сталин. Ленин и Сталин подняли марксизм на новую, высшую ступень развития и вооружили им широкие массы пролетариата.

Уход Плеханова после 1903 года в лагерь оппортунизма не означает, что мы должны игнорировать то ценное, что дано им в лучший период его деятельности.

О ряде работ Плеханова Ленин писал, что они должны войти в «серию обязательных учебников коммунизма». Это указание Ленина относится прежде всего к рецензируемой книге: она написана в период, когда Плеханов верил в творческие силы рабочего класса, видел в нем настоящего героя истории.

В. ПАУКОВА

—

Ж. 17/11-121.

Уполномоченный Главлитта № Б—39640

Тираж 550 000 экз.

В 1 п. л. 62 000 зн. 6 печ. лист.

Изд. № 684

Редакционная коллегия

Материал сдан в набор 15/VII 1938 г. Политикано к печати 19.VII 1938 г. Заказ 1849

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.